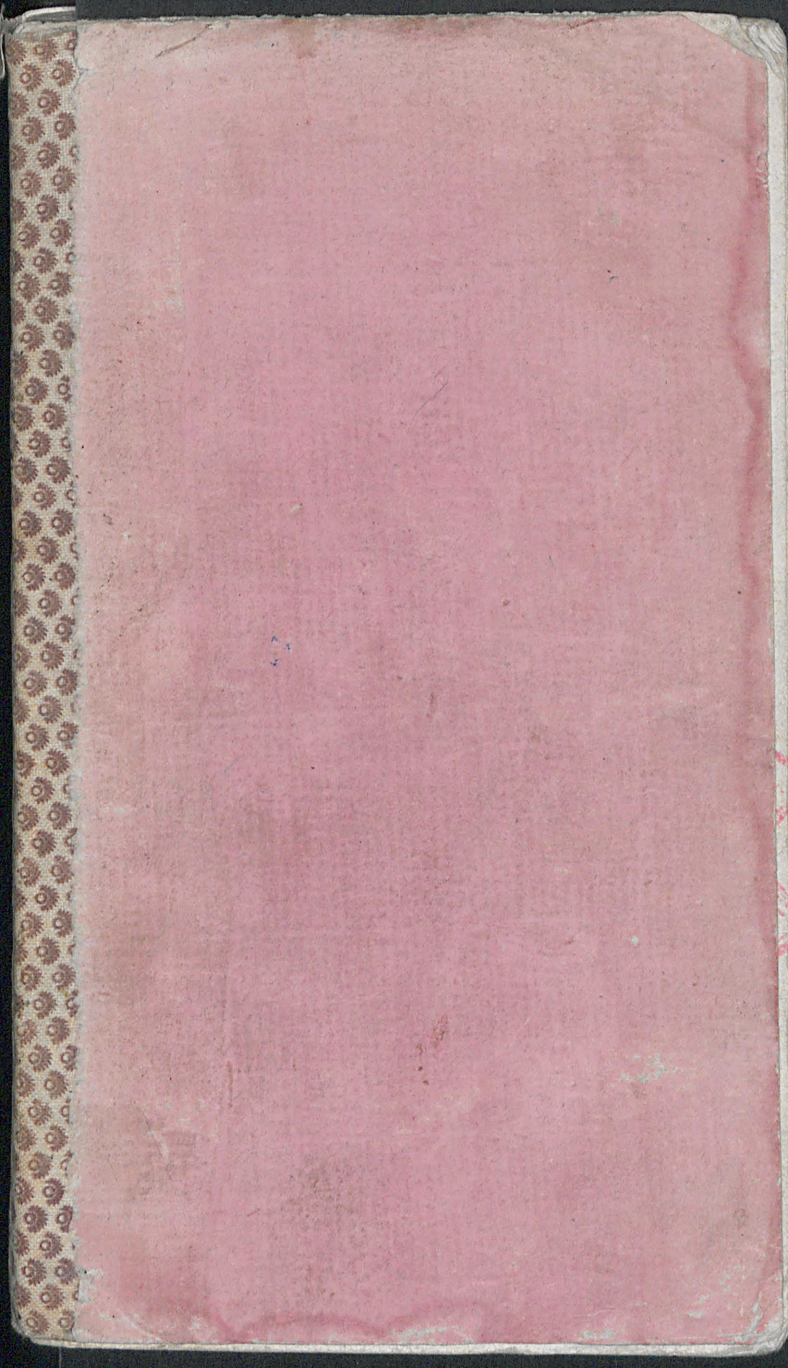
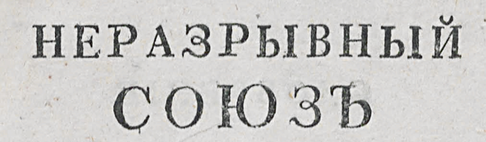

Fructum quendam laborum
meorum,
quibus in docenda Theologia et lect
fungor per sextum in Laura ann
refero ad numerum librorum
Bibliothecae Seminarii Rect
Apollo.
1780.
May 15.

НЕРАЗРЫВНЫЙ СОЮЗЪ ДВУХЪ БРАТЬЕВЪ; ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЛЮБОМУДРІЯ ПОЧЕРПНУТАЯ.

Сочинилъ

Троицкія Семинаріи Ректоръ, Богословіи Учитель и Вольнаго Россійскаго Собранія, что при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Членъ, Іеромонахъ Аполлосъ.

ВЪ МОСКВѢ.
ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова 1780 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Неразрывный союзъ двухъ братьевъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему оная напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

БОГУ,

ЦЕРКВИ,

ОТЕЧЕСТВУ,

БЛАГОГОВѢЙНО ПОСВЯЩАЮ.

Аѳанатъ и Ѳнитъ были два брата родные, одного отца дѣти, близнецы; оба пречудныхъ свойствъ: другъ друга безмѣрно любили, и другъ друга смертельно ненавидѣли. Одинъ другова терпѣть не могъ, и одинъ съ другимъ никогда не разлучался. Чево хотѣлъ Аѳанатъ, того отвращался Ѳнитъ; а чего желалъ Ѳнитъ, то терпѣть не могъ Аѳанатъ. Но всѣ свои дѣла̀ великія и малыя отправляли совокупно. Когда предпринималъ что одинъ, то не́хотя и со слезами помогалъ другой. Одинъ другому противился, препятствовалъ, разсовѣтовалъ, отвращалъ своими побужденіями, сво-

ими причинами, своими слѣдствіями. Но какъ скоро принимался за что Ѳенитъ, въ тужъ самую минуту соглашался Аѳанатъ; и напротивъ, когда усиливался въ чѣмъ Аѳанатъ, къ тому, хотя съ крайнимъ огорченіемъ, но тогдаже приставалъ Ѳенитъ.

Доселѣ свѣтъ ни описать, ниже надивиться можетъ такой совокупной ненависти и любви. Отъ нача́ла міра не показываетъ Исторія подобныхъ примѣровъ. Іаковъ и Езавъ были близнецы, но неравные. Баснословные Касторъ и Поллуксъ толь сходны между собою, по увѣренію Клавдіана (кн. 4.) были, что самая ихъ мать ни по лицу, ни по волосамъ, ни по голосу, ни выступкѣ ихъ распознавать не могла. Но умеръ Касторъ напередъ, а за нимъ съ печали умеръ и Поллуксъ. Аѳанатъ и Ѳенитъ на минуту разлучиться

не

не могли; ежелиже надобно было имЂ разстаться, то разставались сЂ превеликимЂ мученїемЂ, а жили вЂ превеликой бра́ни. *Аристотель* первый былЂ, которой покусился вывести ихЂ союзЂ отЂ скоропоспѣшности, будто ѲнитЂ всякое дѣло ухватя, какое бы оно ни было, хорошее или худое, впалкиваетЂ, какЂ говорятЂ, вЂ руки Аѳанату; а тотЂ по братской любви хотя не́хотя принимаетЂ. ИзЂ средняго философїи вѣка *Картезїй* говорилЂ, что имЂ толь тѣснаго сообщенїя имѣть не можно безЂ особеннаго помощника, котораго сила движетЂ, и во всѣхЂ ихЂ спутствуетЂ дѣйствїяхЂ. ИзЂ новѣйшихЂ *Лейбницїй* утверждаетЂ, что все это дѣлаютЂ они по особенно уставленнымЂ на то законамЂ, которыхЂ не изЂяснилЂ. Но какЂ бы то ни было, только вЂ дружбѣ и недружбѣ равныхЂ никто не видывалЂ, какЂ стоитЂ

йтъ міръ. Наклонности ихъ различныя были. Ѳнитъ любилъ начало, а Аѳанатъ смотрѣлъ на конецъ. Одинъ любилъ все дѣлать скоро, а другой былъ медлителенъ. Тотъ хватался за настоящее, а сей усматривалъ будущее. Казалось ли что пріятное вкусу? прельщало ли что взоръ? услаждало ли слухъ? на все то опрометью порывался Ѳнитъ; а Аѳанатъ тожъ самое выхватывалъ иногда у нево изъ рукъ, отрывалъ, откидывалъ, и хотя за вредное почиталъ, но и самъ въ томъ немедлено участіе принималъ. Потребно ли также гдѣ было терпѣть, разсудить, помедлить, подумать? все то предпринималъ Аѳанатъ, а Ѳнитъ ослушаться хотя бы и хотѣхъ, но не могъ. И такъ все доброе и худое, полезное и безполезное дѣлали общими силами и въ неразрывномъ союзѣ. По сей же причинѣ безпрестанно

другъ

другъ на друга жаловались, другъ друга уличали, охуждали, винили: слезы и удовольствіе, щастіе и нещастіе ежечаснымъ и ежеминутнымъ были ихъ предметомъ. Ни днемъ ни нощію не имѣли покою.

И сколь ни тягостное ихъ было состояніе: но никакъ не могли они въ томъ жаловаться на своего Отца премудраго, прозрительнаго, и милосердаго, которому были они величайшею въ свѣтѣ утѣхою. Онъ ихъ не только всѣми способностями снабдилъ нужными къ препровожденію благополучной и спокойной жизни; но и средства удобнѣйшія предписалъ къ соблюденію между ими взаимной любви. Ѳниту повелѣлъ, дабы повинуясь брату, не старался превозмогать Аѳаната, а сему дабы не былъ безстрастнымъ; (ἀπαθὴς,) не слѣдовалъ бы Стоикамъ; не все бы то въ Ѳнитѣ ругалъ, что ему

отъ натуры наипріятнѣйшимъ дано; и чтобы удовольствія его только умѣрялъ, а несовершенно истреблялъ.

Сколь же ни премудрыя его были предписанія; но обѣихъ ихъ неумѣренныя требованія съ непрерывными совокуплялись жалобами, съ непрестаннымъ сѣтованіемъ, роптаніемъ и оскорбленіями, причиняемыми своему родителю, который однако ни на что это не взиралъ. Ибо сколько они безразсудно въ нихъ поступали: столько онъ былъ непремѣненъ, зная, что ежели бы что нибудь къ ихъ способностямъ прибавить или убавить; то это было бы не иное что сдѣлать, какъ уменьшить ихъ совершенства, а слѣдовательно и благополучіе.

Сказываютъ Стихотворцы, что радость и печаль поссорясь нѣкогда между собою въ томъ, что каждая изъ нихъ находила

боль-

большее право не отступать отъ людей, просили у Юпитера суда, которой не могши ихъ согласить, крѣпчайшими наконецъ сковалъ узами, дабы никогда не разлучались между собою. Аѳанатъ же и Ѳнитъ, кромѣ подобной связи, оставлены были на свое произволенie: противились они другъ другу, но соединясь все могли дѣлать. Не было никакихъ трудностей, какихъ бы они не могли совокупно преодолѣть; не было ни одной напасти, никакого бѣдствiя, никакого нещастiя, котораго бы они общими силами не могли превозмогать (*). Кажется ничево не было невозможнаго имъ, когда они только въ согласiи жили. Преплывали для прибытка своего моря, а волны и вѣтры служили ихъ намѣренiямъ: не имѣя проворнаго летанiя какъ птицы

(*) *Голв. о силѣ разума.*

птицы, скораго плаванія какЪ рыбы, не имЂя зубовЪ, роговЪ, кохтей проч. пользовались по соизволенію животомЪ и услугами животныхЪ. ВЪ малости своей довольствовались они своими вожделЂніями на всЂхЪ краяхЪ свЂта, и вмЂстЂ соединяли ихЪ, не выходя изЪ дому. ИзЪясняли мысли свои народамЪ за многіе тысячи миль отстоящимЪ, находя и послЂ смерти способЪ поговорить сЪ позднЂйшими потомками. Проницая до отдаленнЂйшихЪ частей созданія, разсматривали они величину предметовЪ вЪ неизмЂримомЪ пространствЂ разсЂянныхЪ; измЂряя разстояніе небесныхЪ блестящихся шаровЪ сЪ превеликимЪ удивленіемЪ примЂчали законы, по которымЪ они отправляютЪ свое движеніе — Самыя бездушныя вещи дЂлали себЂ услужливыми, валяя сЪ горЪ дубья, и вырывая каменья на строеніе зданій. ВЪ

на-

наукахъ и художествахъ были неисчерпаемымъ источникомъ наставленія, вспоможенія, увеселенія и отрады ——

Но сколь велики были они содружась: столь малы, низки и ко всѣмъ склонны порокамъ, во всѣхъ запутанныя заблужденіяхъ, когда раздѣлялись. Нѣтъ ни одного пристрастія, коему бы когда нибудь не послужили; не было ни одной глупости, никакого безразсудства, никакой опрометливости, ни сумозбродства, которымъ бы они съ подлостію не предавались; а слѣдовательно не было и нещастій, которымъ бы они произвольно себя не подвергли. Ѳнитъ велъ себя иногда хуже скотовъ; а Аѳанатъ возносясь съ вощаными, подобно Икару, крыльями до превыспренности небесъ, съ превеликой высоты упадалъ, поражая самаго себя несноснымъ ударомъ. Того сластолюбіе иногда

да подъ видомъ прелестныя красоты, сладостнаго вкуса, пріятнаго слуха въ бездну низвергало пристрастія; иногда блескъ злата ослѣплялъ его очи; иногда славолюбіе исторгало въ немъ память человѣчества и своего слабаго состава, которой состроенъ былъ изъ пыли и праха. А сей и паче того заблуждалъ: иногда (*) съ Діагоромъ опровергая Божіе бытіе (Atheism.); иногда съ Пирроном о всемъ, что въ свѣтѣ ни есть, и о своемъ сомнѣваясь пребываніи (**) (scepticism); иногда предаваясь стремительному воображенію, подражая Пиѳоникамъ, онымъ язычникамъ, дѣйствія, движенія и мысли естественныя за божественныя почиталъ (*) (enthusiasmus et

(*) *См. Цицерона о нат. бог кн. 1.*
(**) *См. Воссія о Философскихъ сектахъ гл. 20.*

et Fanaticismus); иногда съ Спинозою и Толандомъ (**) совокупность всѣхъ творений, и всѣ вещи, натурально пребывающія, за самаго Бога почиталъ, и въ премногія другія непростительныя, и достоинства его опорочивающія, погрѣшности впадалъ.

Описать не можно ни тѣхъ бѣдствій, какимъ они подвергались оба, раздружась хотя на кратчайшее время, ни того неизреченнаго благополучія, коимъ наслаждались такожде они, когда свой хранили союзъ. Правда, что въ свойствахъ Ѳнита всегда было нѣчто слабое, низкое, скоротечное и нетвердое; но когда онъ повиновался Аѳанату, тогда подобно, какъ благоразумнымъ кор-

(*) О началѣ сего заблужденія писалъ Ѳеодоритъ Ист. церков. кн. 4. гл. 11.

(**) См Буддея Богослов. Нравстич. стр. 58

кормчимѣ среди самыхѣ свирѣпыхѣ волнѣ, среди бури и напасти управляемѣ былѣ вѣ теченіи своемѣ, и до пристанища своего благополучно достигалѣ. Словомѣ сказать, Өнитѣ самѣ по себѣ былѣ подобенѣ необузданному коню, подобенѣ во мракѣ зрящему, подобенѣ младенцу безѣ призрѣнія оставленному, котораго Аөанатѣ, какѣ искусной всадникѣ управлялѣ, какѣ вѣ темнотѣ заблуждающему свѣтѣ подавалѣ, какѣ пѣстунѣ здравіе его соблюдалѣ. Но какѣ отѣ источниковѣ берутѣ свое начало рѣки; какѣ отѣ малаго сѣмени раждается великое древо; или какѣ отѣ малой искры возжигается великое пламя: такѣ всѣ свои изящности, просвѣщеніе и преимущества заимствовалѣ отѣ Өнита Аөанатѣ.

И такѣ взаимная ихѣ любовь необходимо обѣимѣ нужна была. Безѣ нея они лишась всѣхѣ своихѣ

ихЪ дѣйствій, должны были умирать; а сопряженные ею преодолѣвали весь свѣтЪ, которой повиновался ихЪ волѣ. Но кЪ нещастію общему часто нарушали иногда они ея изЪ самыхЪ мѣлкихЪ случаевЪ, или, какЪ говорятЪ, изЪ пустошей ничего незначущихЪ. О чемЪ и весь свѣтЪ издавна сожалѣлЪ, но никто не предписалЪ довольныхЪ средствЪ кЪ соблюденію непрерывнаго ихЪ покоя. Нѣкоторые изЪ древнихЪ ФилософовЪ покусились было сдѣлать сіи предписанія; но они недовольны. *КлеантЪ* (*) говорилЪ, что надобно бы имЪ жить *по натурѣ*. Да какЪ можно жить имЪ по натурѣ, будучи противныхЪ свойствЪ? Веть натура не что иное разумѣется, какЪ совокупность всѣхЪ способностей, склонностей, навыковЪ, не исключая вЪ

(*) *Мнѣніе его объясняетЪ Сенека вЪ 74 писмѣ своемЪ.*

томъ и причинъ, отъ которыхъ раждаются оныя наклонности, движенія, страсти и человѣческія нравственныя дѣйствія, могущія быть добрыми и худыми. И такъ побужденія натуры бываютъ добрыя и худыя; а сіи то послѣднія и разрушаютъ любовь. *Зенонъ* (*) Стоиковъ начальникъ говорилъ, что надобно бы де имъ жить *сходно съ разумомъ*. Да то-то и бѣда, что здравой разумъ отъ усилія и превозмогательства страстей дѣлается больнымъ, помраченнымъ, и во ослѣпленіи худое и мнимое за истинное добро почитающимъ. Новѣйшіе Философы, почерпнувъ свое мнѣніе изъ Богословскаго ученія о возобновленіи жизни, говорятъ, что надобно имъ ежедневно возрастать въ совершенствахъ

(*) *Тотъ же Сенека о благодѣяніяхъ глава 7.*

безпрепятственно. Правда, что таковое предписаніе для Аѳаната и Ѳнита весьма полезно; но и препятствія къ непрерывнымъ совершенствамъ очень велики, и едва ли превозмогаемы человѣческими силами?

Посмотримъ только, сколь сильно дѣйствуетъ прежде всего *составъ тѣла* и различіе темпераментовъ? Сердитый лишается, кажется, чувствъ и разума, когда воспаляется гнѣвомъ; при дрожаніи всѣхъ членовъ кипитъ въ немъ кровь, и не препятствуетъ ли продолжать совершенство благоразумія, терпѣнія, снисхожденія и проч? Задумчивой Меланхоликъ никогда не истребитъ злобы изъ сердца своего, злобы снѣдающей человѣколюбіе. Гордой ни во что ставитъ счастіе другихъ, лишь бы только свою увеличить честь; и хотя благоразуміемъ водимый человѣкъ старается свои пороки, происхо-

дящія отъ собственнаго темперамента, преодолѣть или скрыть, но они, подобно срубленному древу, и при самомъ пнѣ даютъ отпрыски свои такъ, что составъ тѣла не только препятствуетъ доходить къ непрерывнымъ совершенствамъ; но подалъ случай древнимъ Философамъ, особливо Платоникамъ и Стоикамъ сказать, что матерія, или вещество тѣлесное есть нача́ло и источникъ всякаго зла и несовершенствъ (*).

Съ таковымъ составомъ тѣлеснымъ сопряженное *воспитаніе* и большее дѣлаетъ помѣшательство въ совершенствахъ. Ибо воспитаніе человѣческое не только не уменьшаетъ, но паче усиливаетъ и увеличиваетъ несовершенства, безпрестанно возжигая

(*) *О семъ свидѣтельствуетъ Буддей. Богос. Нрав. стр.* 129.

гая страсти. ЧемЪ мы утѣшаемЪ плачущихЪ дѣтей? ЧемЪ ихЪ увеселяемЪ? Игрушками, блещущимися вещицами, сладкими плодами проч. А сіе не есть ли побужденіемЪ кЪ сластолюбію? ВозбуждаемЪ вЪ нихЪ ревность, приписываемЪ похвалу; а это не есть ли честолюбіе? Иногда обѣщаемЪ награду; да она то и раждаетЪ корыстолюбіе. И такЪ удивительно ли, что бѣдные смертные, вкоренивЪ вЪ сердцѣ своемЪ отЪ самаго младенчества кЪ симЪ ничтожнымЪ вещамЪ любовь, предпочитаютЪ оныя самому Богу? Удивительно ли, что вонзенныя сіи вЪ душахЪ стрѣлы исторгая, неуспѣвЪ излѣчить ра́ну, паки оную растравливаютЪ, и не токмо возрасти, но и на одномЪ степени совершенствЪ стоять не могутЪ?

Правда, что возрастаютЪ совершенства отЪ *подражанія* честнымЪ и добродѣтельнымЪ

людямъ: ибо оно такъ свойственно всѣмъ, что, по свидѣтельству Платона, (*) самъ Богъ въ строеніи міра начерпалъ свое изображеніе. Неоспоримо, что на семъ подражаніи вся человѣческая основывается жизнь; такъ говоритъ Квинтиліанъ: (**) потому, де все то дѣлать хотимъ и сами, что намъ въ другихъ нравится. Учимся съ чужова почерку писать; живописцы смотрятъ на картины другихъ; Музыканты подражаютъ учителямъ; хлѣбоносцы въ опытѣ ссылаются на примѣръ другихъ. И заподлинно мы такъ склонны къ

(*) *Въ Тимеѣ такъ називанномъ разговорѣ, въ которомъ Тимей Философъ вводится разглагольствующимъ о натурѣ и душѣ міра. См. Воссія Ист. Греч. стр.* 458.

(*) *Въ кн.* 10. *Риторическихъ наставленій. гл.* 11.

подражанію, что перенимаемЪ тѣлодвиженія, выговорЪ словЪ, походку, одежду проч. Но ежели оно по несчастію устремится на погрѣшающихЪ противЪ здраваго разсудка, а кольми паче на порочныхЪ людей: тогда несказанная бываетЪ препсна возрастать ежедневно вЪ совершенствахЪ. Но кЪ подлинному бѣдствію едва ли не большая склонность послѣдовать погрѣшностямЪ, нелѣпостямЪ, порокамЪ и больше вЪ маловажномЪ, нежели вЪ степенномЪ?

Чтоже, естьли присоединить кЪ тому *навыкЪ* обращенія и предразсудка? Какое найдемЪ вЪ нихЪ усильное препятствіе кЪ непрерывному продолженію добродѣтели: сильный *навыкЪ* превращается вЪ самую натуру. Какія дѣйствія можно вообразить больше нежели звѣрскими, какЪ человѣкоядцевЪ? Но они снѣдаютЪ людей безЪ всякаго страха.

Привычка все можетъ дѣлать: укрѣпляетъ худыя склонности, а заматорѣлые нравы съ какою трудностiю превозмогать должно, о томъ довольно свидѣтельствуетъ ежедневный опытъ.

А сколько такожде сильно и *обхожденiе* съ другими, описываетъ Сенека (*). Заимствуются, говоритъ онъ, отъ сообращенiя нравы, и какъ моровая язва заражаетъ прикасающихся; такъ худая душа сообщаетъ свой порокъ другимъ. Не рѣдко пьяница ненавидящихъ пьянство привлекаетъ въ свое сообщество. Безстыдные самаго твердаго въ непорочности мужа совращаютъ; подобно и сребролюбецъ душй своея ядъ вливаетъ въ сердцà другихъ —. А *предразсудки*, сiе лютѣйшее зло, о коль пагубно прерываетъ добродѣтельный путь!

(*) О гнѣвѣ *кн.* 3. *гл.* 8.

путь! Не всѣваетъ ли вражду предразсудокъ иноплеменничества и единоземства? Какія обиды, какія неустройства въ цѣломъ Государствѣ изъ того происходятъ? Хотя вездѣ люди могутъ быть худые и добрые. Часто дворянинъ живучи въ праздности, аки безполезная тяжесть землй, одними предковъ или фамиліи заслугами превозносится. Часто раскольникъ основываетъ свои глупости на глупостяхъ своего отца или дѣда —. Часто Схоластики всѣ споры рѣшили однимъ словомъ: *самъ сказалъ* т. е. Аристотель, какъ будто непогрѣшительный человѣкъ. Часто сіи и другія премногія предразсудки, касающіяся до возраста, до пустыхъ уваженій, до слѣпаго увѣренія, или до упорной неимовѣрности ослѣпляя людей, отъемлютъ всея истинны свѣтъ. Чтожъ сказать о зловреднѣйшемъ *суевѣріи*, кото-

торое тамъ Творцу приписываетъ честь, гдѣ оную отъемлетъ; которое въ самомъ богомоліи клевещетъ, и въ самомъ прославленіи злословитъ имя Господне; которое подъ видомъ благочестія разсѣваетъ нечестіе, и вмѣсто пріобрѣтенія совершенствъ сводитъ бѣднаго человѣка на погибельный путь, на путь ведущій къ вѣчному мраку.

Сіи-то всѣ трудности чувствовали въ дѣлахъ и намѣреніяхъ своихъ Аѳанатъ и Ѳнитъ. Сколько и куда ниходили они: вездѣ сіи преграды встрѣчалися съ ними. Ежели они доходили иногда до крайняго изнеможенія силъ: то утѣшались тѣмъ, что путь ихъ хотя труденъ, но весьма недологъ; что преодолѣвая всѣ превозмогательства, не только чувствовали тогда же радость, какою восхищаются побѣдители, но и вящшія ожидали награды; что какъ послѣ сильнаго обуре-

ванія

ванія пловецъ съ изобиліемъ достигаетъ пристанища своего; такъ они, стараясь утушить огнь, воспаляющій въ нихъ или чрезъ противныя наклонности, или чрезъ воспитаніе, или чрезъ навыки, пристрастія и предразсудки, междуусобную ненависть и брань, ожидали непрерывныя дружбы и любви; любви огражденной миромъ и тишиною, до предѣловъ которыя никакія стрѣлы, никакая злоба касаться не могла.

Сильныя подлинно были на нихъ нападенія: но ежели они прерывали въ достиженіи своихъ совершенствъ нить, и ежели бы когда надобно было имъ уступать, покаряться, или отдать себя непріятелямъ въ плѣнъ; тогда никово они обвинять не могли, кромѣ самихъ себя, потому, что имѣли они крѣпкое оружіе. Съ симъ оружіемъ никогда не могли отдаляться отъ своея

ея меты; никогда не совращались съ праваго пути, и не оставляли другъ друга снабжать, другъ друга любить, другъ другу помогать, и доколѣ держались своего кормила, достигали того мѣста, куда брошенъ якорь.

И какъ многотрудный путникъ свершаетъ теченіе свое, закрываясь одеждою отъ хладныхъ вѣтровъ, и укрѣпляя духъ свой къ преодолѣнію трудностей: такъ Аѳанатъ и Ѳнитъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній имѣли сильную защиту. Предначинающее Государство войну, не токмо исчисляетъ напередъ имѣніе свое, укрѣпляется воинами; но и требуетъ вспомогательства, или союза другихъ державъ: подобно Аѳанатъ и Ѳнитъ отвсюда снабдѣны были.

Какъ восходящій Фебъ разсыпаетъ мракъ; такъ совокупные ихъ силы въ постиженіи всѣхъ дѣлъ истребляли всѣ препоны

поны въ намѣреніяхъ своихъ. И какъ Гангесъ и Идаспъ раждаютъ злато; или какъ солнце и луна дѣлаютъ днемъ и нощію свѣтъ: такъ два спутника ихъ *Ноисъ* и *Докій* (*) дѣлали имъ наилучшія услуги: съ перьвымъ шелъ Аѳанатъ, а съ другимъ Ѳнитъ. Одинъ указывалъ, а другой исполнялъ; одинъ изобрѣталъ, а другой изобрѣтенное извѣдывалъ. Одинъ другова удерживалъ, умѣрялъ. Одинъ другому мѣру во всемъ и предѣлы полагалъ. Совокупности ихъ никто и ничто противиться не могли. Покоиться или трудиться; ѣсть, пить, или поститься; любить или не любить; спать или бодрствовать; водиться съ кѣмъ, или убѣгать; по

(*) *Сія мысль взята изъ Логической аксіомы, по которой утверждается, что источникъ всякія истинны есть опытъ и разсудокъ.*

послѣдовать хотѣнію или отринуть; держаться привычки или бросить; подражать или не слѣдовать; думать или мысли перемѣнить; все надобно было по предписанію сихъ путеводителей дѣлать, изъ ихъ законовъ ни на черту не отступать. Когда Аѳанатъ и Ѳнитъ слѣдовали имъ: были тогда другъ другу любезными, все дѣлали успѣшно, все приводили къ благому концу: тогда то они возрастали ежедневно и безпрепятственно въ своихъ совершенствахъ. Въ противномъ случаѣ всѣ разрушались намѣренія. Ибо какъ скоро спутники ихъ отступали отъ нихъ: такъ тотчасъ предавались они суевѣрію или предразсудкамъ, вступали въ худую дружбу, слѣпо слѣдовали своимъ склонностямъ или навыкамъ, прерывали добродѣтелей стезь, уклонялись на путь отводящій отъ совершенствъ, и

вле-

влекущій къ погибели. И такъ Ноисъ и Докій были ихъ, можно сказать, внутренніе охранители и защитники. Но тѣмъ мужественнѣе могли противиться всѣмъ нападеніямъ Аѳанатъ и Ѳнитъ, тѣмъ больше возрастать въ совершенствахъ: чемъ сильнѣйшее и отъ другихъ сторонъ имѣли союзъ и вспоможеніе

Сказываютъ, что Карлъ XII. Шведскій король, Исторію Курція никогда изъ рукъ не выпускалъ, желая подобнымъ учиниться Великому Александру.

Но свѣтъ отъ начала своего ни въ комъ не представилъ лучшаго для подражанія примѣра Аѳанату и Ѳниту, какъ въ собственномъ ихъ родителѣ, выше всѣхъ похвалъ препрославленномъ, премудрѣйшемъ, нежели всѣхъ мудрецовъ толпа; благоутробнѣйшемъ, нежели всѣ совокупно Государи, которыхъ за милосердіе прославляетъ Исто-

рія;

рія; мужественнѣйшемъ, нежели всѣ Герои; долговѣчнѣйшемъ, нежели Яредъ и Маѳусалъ, котораго Пифагоръ назвалъ Монадомъ, а Аристотель преизящнѣйшимъ въ добродѣтеляхъ (βελτίον τῆς ἀρετῆς) (*).

Платонъ Философъ заподлинно утвердилъ, (**) что Аѳанатъ и Ѳнитъ преблагополучнѣйшими и совершеннѣйшими тогда пребыть могли бы: когда бы слѣдовали преименитому родителю своему; о чемъ свидѣтельствуетъ Климентъ Александрискій.

Повѣствуютъ Стихотворцы, (***) что Клитія, чрезмѣрно влюбясь въ Аполлона, подъ именемъ котораго разумѣется солнце, взи-

(*) *Кн. 2. Метафиз. гл. 5.*

(**) *Климентъ Алех. свидѣтельствуетъ о немъ кн. 2. стр. 403. въ сочиненіи ономъ испещренномъ учености цвѣтами и оттуда названномъ Строматы.*

(***) *Овидій въ превращен. кн: 4.*

взирала безпрестанно на него, не спуская очей своихъ; отъ чего и превратилась въ цвѣтъ, которой на всѣ тѣ обращается стороны, на которыхъ теченіе свое имѣетъ солнце.

Ежели бы Аѳанатъ и Ѳнитъ столь рачительно взирали на Родителя своего; ежели бы невыступно ходили по его слѣдамъ; ежели бы его достохвальнымъ подражали дѣламъ; ежели бы хотя по нѣскольку уподоблялись ему въ мудрости, истиннѣ, милосердіи, правосудіи, непремѣнности, безпристрастіи и проч. ежели бы, коротко сказать, они его любили: тобы ни сильныя наклонности натуры, ни воспитаніе, ни предразсудки, ниже бы какіе либо ихъ непріятели могли преодолѣть, или нарушить ихъ взаимную дружбу, ихъ спокойствіе, ихъ благополучіе. Ничто бы не воспрепятствовало ихъ успѣхамъ въ совершенствахъ.

Ибо какъ смерть отдѣляетъ душу отъ тѣла: такъ сія любовь разсѣкаетъ зло съ добромъ. Свойства ея со всѣмъ противны всякой другой любви, которая только съ начала усладивъ, производитъ наконецъ печаль. Сія подобна источнику, изъ котораго чѣмъ болѣе почерпаютъ, тѣмъ пріятнѣе вода. Есть и та иго, но несносное; а сія иго, но иго пріятнѣйшее, иго любезно уловляющее, сладостно обременяющее, крѣпко связующее и благоразумію научающее. Любовь нaисчастливѣйшая, основывающаяся на чистѣйшей вѣрѣ, изъ которой раждаются вожделѣнія непорочныя, нравы святые, мысли превыспреннія; любовь производящая красоту добродѣтелей, изящность дѣлъ, трудовъ награду, награды всякое преимущество. Ежели бы Аѳанатъ и Ѳнитъ, дѣти единаго Отца, сопрягались съ нимъ сею любовію: не только не

могли-

могли бы погрѣшать никогда, но начиная аки отъ малаго зерна благополучіе свое, возрасли бы въ немъ, аки кедры Ливанскіе.

Но къ нещастію своему теряли они сію любовь и теряли во ослѣпленіи своемъ, и когда теряли, тогда же воспалялись другъ къ другу ненавистію, прерывали непрерывное шествіе свое къ достиженію совершенствъ. И хотя послѣ узнали свой вредъ, хотя отъ всюда убѣждаемы были къ сей любви; хотя нарушивъ сію любовь, несносной послѣ чувствовали стыдъ, нестерпимое совѣсти мученіе; но какъ Бузиридъ, (*) и Периллъ (**) погиб-

 ли

(*) *Бузиридъ Нептуновъ сынъ, жестокій Египетскій тираннъ при закланіи на жертву Юпитеру гостей, хотѣлъ тоже и съ Геркулесомъ сдѣлать, убитъ отъ него самъ прежде. Овид. превращ. 9*

(**) *Периллъ Фаларидовъ временщикъ въ угодность его безчеловѣчія нашелъ*

ли отъ собствениаго изобрѣтенія; такъ они чувствовали свое нещастіе отъ собственныя вины и преступленія, которое тѣмъ непростительнѣе, что не только происходило въ отступленіе Ноиса и Докія, ихъ спутниковъ; но и безъ всякія дѣлаемо было нужды. Ибо не было ни одной красоты, не было никакихъ нѣжностей, никахихъ пріятностей, никакого удовольствія и увеселенія, которыхъ бы они со излишествомъ не могли ощутить въ любви Родителя своего. Сколь убо безумно дѣлаютъ тѣ, кои оставивъ источники воды живыя, почерпаютъ оную изъ мутныхъ наводненій; столь безразсудно дѣлали Аѳанатъ и Ѳенитъ тогда, ког-

---

шелъ нопой способъ мучить пъ разженномъ мѣдномъ быкѣ людей, и когда просилъ за то награды; то Фаларидъ прежде его пъ немъ замучилъ.

когда любовь должную своему Родителю относили къ другому кому. Кромѣ того, что находить могли они въ немъ всѣ совершенства, въ одно только ему сооотвѣтствіе долженствовали свою любовь единственно относити къ нему. Изливалъ онъ на нихъ неизреченныя благодѣянія даже и въ самое время ихъ неблагодарствія, когда они его оскорбляли; любилъ ихъ непрерывно, и любилъ для того, дабы они чувствуя любовь, чувствовали изъ нея проистекающую пользу, и пользу всю ту, которую мы находить можемъ въ вещахъ, накоторыя устремляются наши желанія. Обыкновенно любимъ мы другихъ за достоинства, и чемъ больше въ комъ находимъ совершенствъ; къ тому паче воспаляемъ любовь. Но оныя въ ихъ родителѣ по превосходству были. Ежели другихъ любимъ за благодѣянія: Аѳанатъ и Ѳнитъ

 бу-

будучи должны ему жизнію, бытіемъ, воспитаніемъ просвѣщеніемъ, попеченіемъ, богатствомъ, славою и всѣми благими, какія только имѣли, не должны ли были его любить? Все то, чемъ могли они Родителю своему хотя нѣкоторую засвидѣтельствовать благодарность, состояло въ сей любви. Ежели бы они ея хранили: тобы они все свое услажденіе въ ней полагали; никогда бы не дерзнули Родителя раздражить; и не раздражали бы не изъ страха, боясь наказанія, но изъ сыновняго послушанія; ни когда бы они повелѣній его не нарушали; никогда бы славы его не опорочили; любили бы всѣхъ тѣхъ, и все то, что ему угодно было; всѣ свои мысли и намѣренія къ нему бы единому устремляли, съ нимъ однимъ обращались, ему бы одному послѣдовали, съ нимъ разглагольствовали, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ егобъ единаго за пред-

предметѣ поставляли. Словомѣ сказать, его любовь лучшею была бы имѣ вѣ жизни подпорою, и большею отѣ всѣхѣ нападеній защитою, нежели какую дѣлали имѣ Ноисѣ и Докій. Они служили имѣ крѣпостію, утвержденіемѣ, прибѣжищемѣ, помощію, и непреоборимымѣ заступленіемѣ. Лучшее благоуспѣшество сея любви состояло вѣ взаимномѣ ихѣ сопряженіи, по которому ихѣ Родитель все свое богатство, славу, совершенство и благоденство сообщалѣ дѣтямѣ. А Аѳанатѣ и Ѳнитѣ все свое добро сообщали ему. По сему тѣсному соединенію ни когда бы они не погрѣшили; ежели бы только совокупно хотѣли, и старались оное не разрывать.

Сверьхѣ сихѣ внутреннихѣ и внѣшнихѣ вспоможеній Аѳанатѣ и Ѳнитѣ пользовались благопріятствомѣ всѣхѣ другихѣ падежей, а наипаче услугами и

усердіемъ подчиненныхъ. Какъ на сраженіи къ одержанію побѣды не только служитъ храбрость воиновъ и вспомогательная сила; но потребны благопріятствующіе вѣтры, удобное мѣстоположеніе, свѣтлая ночь, хорошая погода проч. Такъ имъ въ преодолѣніи всѣхъ трудностей благопріятствовало все то, что состояло изъ смѣшенія стихій, все предлежало ихъ услугамъ, жизненное и бездушное: ежели они только сами не хотѣли ничего во зло употреблять. Неискусный всадникъ и добраго коня испортитъ. Неумѣющій стрѣлять и хорошее ружье броситъ. Худой музыкантъ и на хорошемъ инструментѣ худо проиграетъ.

Аѳанатъ и Ѳнитъ никого въ погрѣшностяхъ винить не могли; когда вмѣсто пользы употребляли вещи во зло. Виновато ли вино, что служитъ къ пїянству? Виноватъ ли мечь, что злодѣй губитъ

битъ имъ ближняго? Виновато ли зеркало, когда безобразно лице? Что спасительнѣе отъ Создателя дано, какъ науки просвѣщеніемъ самому людей уподобляющія Богу; но чего не можно во зло употребить? Глупыхъ и развратныхъ души изъ самой Философіи напиваются ядомъ безбожія. Поезія и Мусикія возжигаетъ только въ нихъ неистовую любовь; живопись прелестными изображеніями возжигаетъ похоти. Тактика не гражданъ защищаетъ, но звѣрско губитъ ближнихъ. Все, что ни есть спасительное, можно во зло употребить. По сему то злоупотребленію болѣе въ свѣтѣ царствуетъ порокъ, нежели добродѣтель. Чего то не дѣлаетъ злато, само въ себѣ не только невинное, но и даръ Божій? Что блескъ его ослѣпляетъ очи судей; что лихоимецъ скрываетъ злато въ сундукѣ, скрываетъ въ златѣ сердце свое; что злодѣй

лишаетъ жизни другаго; что безразсудной купецъ для корысти подвергаетъ въ морѣ или на пути опасности свою жизнь; что многіе нарушаютъ совѣсть, вѣрность, клятву, непорочность, истинну, милосердіе; что Мидъ (*) умеръ съ голоду: всему тому притчиною есть злоупотребленіе, а не злато, данное отъ натуры на искупленіе плѣнныхъ, на вспоможеніе бѣдныхъ, на защиту невинныхъ, и на премногія другія богоугодныя и полезныя дѣла.

Такъ точно Аѳанатъ и Ѳнитъ могли жить свободно, изъ многихъ благихъ избирая лучшее, и мог-

(*) *Мидъ Фригійскій Царь сребролюбивѣйшій угостивъ Бахуса, испросилъ, дабы все, за что онъ ни примется, превращалось въ золото. А какъ и пища, которую бралъ онъ въ руки, также золотомъ дѣлалась: то и принужденъ онъ былъ умереть съ голоду.*

могли свободу нарушить, избирая хуждшее злоупотребленіемъ вещей; могли быть нещастливы отъ своея вины; могли жить въ благополучіи пользуясь всѣмъ, такъ чтобы вездѣ спутствовали Докій и Нокимъ, чтобы и самая ихъ къ Родителю чрезъ то возрастала любовь: Родителю, который премного сокровища своего во всемъ томъ сокрылъ, что далъ имъ на употребленіе. Ежели бы Аѳанатъ и Ѳнитъ желали пользоваться сокровищемъ симъ: то бы они чрезъ всю свою жизнь не могли его ископать. Ибо и самая малѣйшая вещь данная имъ на службу изъ безконечныхъ состоитъ предметовъ, предлежащихъ разсужденію и испытанію.

Возмемъ токмо въ примѣръ одинъ колосокъ, которой по нашему на него частому воззрѣнію кажется намъ вещію ничтожною, и единственно данною на пищу. Нѣтъ! Ежели мы хотя по нѣсколь-

скольку вникнемъ въ его бытiе: удивленiе наше увеличится до безконечности. Цицеронъ написалъ о семъ слѣдующее (*).

Я не меньше утѣшаюсь свойствомъ растѣнiй, сколь и самымъ прибыткомъ плодовъ, которые приноситъ земля. Она прiявъ сѣмечко въ мягкiя нѣдра свои, долго оное сокрываетъ, которое потóмъ какъ бы оживотворенное послѣ хладной зимы теплою влагою, распускается показывая по стеблiю зеленость, которая утверждаясь на жилкахъ растѣнiй возрастаетъ, и поднимаясь въ колѣнчетый кóлосъ въ сосудахъ своихъ, какъ будто опушась, затворяется; изъ нихъ выходя наливается въ зéрна остроконечный устрояющiй колосъ, иголочками своими отъ нападенiя маленькихъ птицъ защищающiйся и проч. Виноградная лоза по натурѣ своей всегда къ па-

(*) *Въ книгѣ о старости.*

паденію склонная, ежели только не будетъ подпорочками утверждена, преклоняется къ земли. А дабы приподняться, то завиточками своими, какъ будто руками ухватывается, которыя по подобію змѣекъ сюда и туда извиваются дотолѣ, доколѣ искусствомъ вертоградарей не будутъ отрѣзаны, дабы отпрыски не усилились и несдѣлались подобными лѣснымъ. И такъ при наступленіи весны остановленныя лозочки производятъ въ отпрыскахъ своихъ почку, изъ коей потомъ появляется виноградная кисть, которая и отъ земныхъ соковъ и отъ теплоты солнечной возрастая сперьва очень горька; а потомъ созрѣвая сладѣетъ; а опушаясь листвіемъ, имѣетъ умѣренную теплоту и отъ чрезвычайнаго солнечнаго защищается ими зною. А сего плода что можетъ быть увеселительнѣе, что взору пріятнѣе?

Но

Но коль несравненно увеличилося бы удивленіе Аѳаната и Ѳнита, ежели бы они устремили мысль свою на повсемственное созерцаніе природы! никода бы они не уклонялись отъ праваго пути; никогда бы они не отступали отъ совершенствъ; все зло, которое претерпѣвали они отъ нападенія предразсудковъ, отъ воспитанія, обращенія и навыковъ ни малобы ихъ соблазнить не могло. Возрасталабы ихъ непрерывно къ Родителю своему любовь; кромѣ ея ничѣмъ бы ихъ мысли не занимались. Чемъ болѣе разсматривалибы его дѣла̀, тѣмъ болѣе старались бы ходити по его слѣдамъ; дѣла̀ не объятной мудрости, на изслѣдованіе которыхъ не только кратокъ осьмидесятилѣтній вѣкъ, но и вѣки вѣковъ. Ибо какъ изъ отдаленныхъ покоевъ слышимъ иногда пріятной музыки звукъ, не видя играющаго; такъ стройность

ность природы, которая поставлена за предметъ Аѳанату при руководствѣ Ноиса, и Ѳниту при Докіѣ, великихъ размышленій, приводили къ большимъ, убѣждая не привязываться къ произведенію, но искать произведшаго.

Платонъ въ Епиномидѣ такъ на сіе говоритъ: Разумъ выше всѣхъ человѣческихъ умовъ, источникъ всего, представилъ на позоръ творенія, которымъ блаженный мужъ сперьва удивляется, потомъ возжигается желаніемъ возноситися мыслію превыспренно, доколѣ вознестися можетъ.

Возносились до сея превыспренности Аѳанатъ и Ѳнитъ, когда только въ согласіи были. Они тогда не останавливались на предѣлахъ земныхъ, но проницая въ неизмѣримое пространство разсѣянныхъ предметовъ, примѣчали законы блестящихся свѣтилъ, по которымъ они отправ-

правляли движенїе свое. Они разсматривая огненный солнца шарЪ познавали, что была бы земля мертвая глыба, ежели бы лишилась солнечныхЪ ея оживотворяющихЪ лучей, безЪ которыхЪ древа̀ ни листьевЪ, ни цвѢтовЪ выпустить бы не могли; безЪ которыхЪ луга̀ не одѢвались бы зеленью̑, ни долины золотымЪ сѢвомЪ. ВидѢли они, что сїи то лучи, проницающїе силою своею до всѢхЪ растѢнїй испещряли весну, и обогащали осень, и проходя до корневЪ приводили вЪ движенїе жизненные соки, наконецЪ разливающїеся виннымЪ токомЪ и сучья сЪ зрѢлымЪ плодомЪ кЪ земли приклоняющїя. Они усматривали, что великолѢпнаго сего свѢтила благотворящая сила не кЪ верхнимЪ токмо опредѢлена странамЪ, но распространилась до глубочайшихЪ безднЪ, проходя слои рудЪ, кЪ самымЪ СафирамЪ, красящимЪ

сѣмена, созрѣвающія въ чистое золото, и придавая водѣ Алмазовъ ожестѣваемыхъ у камней свое блистаніе. Аѳанатъ и Ѳнитъ съ восхищеніемъ смотрѣли на перьвое явленіе благотворящаго днемъ благодателя, когда онъ утренній распространялъ свой свѣтъ, отъ котораго миліоны оживотворяются животныхъ.

Восхищеніе ихъ несказанно увеличивалось, а погрѣшности и на умъ не приходили, когда видѣли, что все въ свѣтѣ малое и великое текло къ своему извѣстному концу. Солнцель или земля, или весь небесный движется составъ; но всегда выходили извѣстныя годищныхъ временъ перемѣны, и все приведено было къ извѣстному концу. Ежели бы солнце однимъ округомъ всегда подъ Екваторомъ съ востока къ западу ходило: то бы при свѣтѣ его во многихъ свѣта странахъ была вѣчная ночь и зи-

ма. Ежели бы земля не была круглая, но треугольная, или четвероугольная: то бы неповсюду могли освѣщать ея солнечные лучи; не было бы урожаю, естьли бы влага не поднималась въ верьхъ, коея частицы отъ жару разрѣжаясь, стекаются въ капли, и орошая землю умѣряютъ зной. Ядотворнымъ бы въ лѣтнемъ жару сдѣлался воздухъ, ежели бы молнія не сожигала вредныя лѣтающія по воздуху частицы. Малое сіе знаніе философіи усмиряло въ гордости Аѳаната и Ѳнита, и путеводствовало къ непрерывному достиженію добродѣтелей и совершенствъ. Ежели бы они жизнь свою единственно посвятили ей: то бы какъ сосѣдственная держава помогаетъ воюющему Государству; такъ бы Аѳанату и Ѳниту всѣ предметы служили вспоможеніемъ въ непрерывномъ къ возращенію ежедневно въ совершенствахъ пути.

Но

Но то бѣда! что вся ихъ жизнь не только проходила въ ссорѣ, но какъ бы извѣстныя имѣли Епохи въ порокахъ. Младенчества невѣжество какъ будто и невиннымъ почиталось. Протекало малолѣтство больше въ забавахъ; юношества цвѣтъ въ сладострастіи и любовныхъ увеселеніяхъ; самая зрѣлость лѣтъ была не рѣдко жертвою порокамъ и беззаконію. Старость предавалась гнусному корыстолюбію, и все жизни теченіе отъ младыхъ до старыхъ лѣтъ оставляло одни по большой части нечестія плоды.

Какъ въ волнующейся рѣкѣ возмущается вода съ пескомъ; такъ Аѳаната и Ѳнита добродѣтели возмущались съ пороками. А между тѣмъ протекали дни, летѣло время, и летѣло такъ, что быстрой его бѣгъ никто и на минуту остановить не могъ. Жизнь ихъ вся изчезала

какЪ тѣнь, какЪ пыль, какЪ прахЪ.

Правда, что АѳанатЪ не состарѣвался: но ѲнитЪ ежедневному паденію подлежалЪ, или лучше сказать, ежедневно умирать начиналЪ. Несчетные роды болѣзней, тяжесть воздуха, насиліе водЪ и прочихЪ стихій, нечаянные падежи, разслабленіе симпатіи, связующей Ѳнита составЪ, напоминали имЪ иногда послѣднюю разлуку, разлуку мучительную, страшную, и наитягчайшую.

АѳанатЪ ея желалЪ: но ѲнитЪ хотя трепеталЪ отЪ страха при воспоминаніи одномЪ; но ежедневно пріучась взирать на груды труповЪ весьма мало о своей разлукѣ думалЪ. СовѣтовЪ брата и увѣщаній не только не слушалЪ; но еще иногда ими ругался.

Однажды имѣли они о семЪ слѣдующій разговорЪ. *Ѳнит.* Для че-

чего ты, братецЪ, часто мнѣ напоминаешь о разлукѣ и о нѣкомЪ нашемЪ прехожденіи, когда лѣта наши цвѣтутЪ, и жить остается довольно? *АѳанатЪ.* О коль, любезный ѲнитЪ! тщетная твоя надежда, которою несчетныя тысячи людей ужѐ обманулись. Настоящая радость пустая и скоропреходящая, и цвѣтЪ юности нашея изсыхаетЪ вЪ то самое время, когда мы говоримЪ. *Ѳнит.* Да я не чувствую никакого разслабленія, а притомЪ есть для жизни законЪ, предѣлы, конецЪ, которой уставили любомудрія рачители. Я имЪ могу послѣдовать. *АѳанатЪ.* Можно ли тамЪ не быть разслабленію, гдѣ многова не достаетЪ? ЗаконЪ жизни кто положилЪ? какой онЪ? и не есть ли са̀мой опасной, когда не для всѣхЪ одинЪ? котораго ничего нѣтЪ неизвѣстнѣе. И рачители мудрости не могли предѣла жизни положить. Они мог-

ли его взять, а не другимъ давать, а полагаетъ единъ Богъ. Осмидесятый годъ положенъ за предѣлъ жизни, и то, аще человѣкъ въ силахъ; но тамъ ужѐ трудъ и болѣзнь. *Онит.* Но по крайней мѣрѣ несомнительно, что теченіе юныхъ лѣтъ далеко отъ своего предѣла, такъ не можно ли безпечно пожить и повеселиться въ юности своей? *Аван.* Нѣтъ, братецъ! та то жизнь и опасна, гдѣ менше имѣютъ опасности. Нѣтъ ничего ближе смерти. Когда жизнь и смерть кажутся и въ далекомъ разстояніи, и тогда одна другой прикасается. Та утекаетъ, а сія приближается. И какъ нѣтъ ничего не постояннѣе юности, и опаснѣе старости; ибо та при всѣхъ удовольствіяхъ убѣгаетъ, а сія тихими стопами непримѣтно подкравшись, сверьхъ чаянія жизни похищаетъ; то и тогда при дверяхъ стоитъ, когда отдаленною

быть

быть кажется. *Өнит.* Да для чего же такъ много объ этомъ думать, когда мы несомнительно видимъ, что жизнь наша по степенямъ своимъ восходитъ? *Аѳанатъ.* Но восходя снисходитъ. Жизнь краткая и время непостоянное во снѣ, или въ шуткахъ нечувствительно протекаетъ. О! ежели бы такая быстрота времени и краткость жизни, какъ въ началѣ, такъ и при концѣ извѣстны были: то бы они раждающимся безконечною, а умирающимъ ничтожною показались. И сколько тѣмъ представлялось вѣковъ, сколько симъ минутъ. Узнаютъ всѣ сей обманъ, но поздо. Отъ того то происходитъ, что всѣ совѣты юнымъ не пользуютъ. Не имѣя своего разума и испытанности, не довѣряютъ другимъ, и неизчетные ихъ пороки закрытые и неизвѣстные открываетъ старость. Тогда они нехотя примѣчаютъ, что не бы-

были во младости такими, какими быть были должны, и что того ужѐ перемѣнить не можно. Да и есть ли, кто бы изъ юныхъ жилъ благополучно? Ежели есть изъ тысячи одинъ: то отъ таковаго все коварство и хитрость отдалены; по елику единое шествіе по стезямъ добродѣтели есть путь вѣрный, и непреткновенный. *Онит.* Ты, братецъ! по этому весь вѣкъ почитаешь, какъ будто изъ цѣлаго разсыпанныя нѣкоторыя части, или за нѣкоторый отрывокъ? *Аван.* Конечно такъ! ибо отъ самаго нача́ла своего понѣскольку отрывается, и когда по маленькимъ частицамъ возрастаетъ, тогда и отнимается. Минуты похищаются часами, часы днемъ, день одинъ настигается другимъ, и нѣтъ покою. Такимъ образомъ проходятъ мѣсяцы, проходятъ годы и цѣлый вѣкъ быстрыми лѣтитъ крылами. И какъ плову-

щіе

щіе на кораблҍ иногда не думавъ, достигаютъ брега. Такъ и наша, братецъ! противъ всего чаянія можетъ послҍдовать съ тобою разлука. *Өнит.* Я этому не вҍрю; ибо по твоимъ словамъ начинающаяся жизнь была бы оканчевающеюся. А нҍтъ ничего далҍе, какъ начала отъ конца. *Аван.* Въ короткомъ пути нҍтъ дальнаго разстоянія. Правда! что далеко было бы начало отъ конца, ежели бы всҍ въ одномъ разстояніи жили. Но часто случается, что первый возрастъ ближе къ концу, нежели послҍдній. И хотя сіе не всҍмъ примҍтно, но при всякомъ нашемъ словҍ и шагҍ отъемлется время, и юности мало по малу непримҍтно изсыхаетъ цвҍтъ. Да и что имҍетъ излишняго прелҍпый юноша предъ безобразнымъ старикомъ, кромҍ сего краткаго и скороотпадающаго цвҍта? Ежели сего младые не примҍчаютъ: то безразсудно

дѣлаютъ; ибо ихъ преимущество такое, какое осужденныхъ на смерть, изъ которыхъ тотъ щастливѣе, кого прежде казнятъ; а другой нещастливѣе тояже участи ожиданіемъ, которое несноснѣе самыя смерти. И такъ возстанемъ, о любезный Ѳнитъ! время открыти слѣпотствующіе очи. Лучше намъ помышлять о вѣчномъ; нежели любить и желать скорогиблющее; лучше заблаговременно отойти отъ того, что съ нами долго быть не можетъ, и отметнуть прелести, прежде нежели они насъ оставятъ. *Ѳнит.* Но по крайней мѣрѣ мужество тверже; по крайней мѣрѣ оно можетъ послужить къ удовольствію нашему? *Аван.* Престань, Ѳнитъ, такъ мыслить о вѣкѣ своемъ: нѣтъ ничего скоротечнѣе времени; оно есть скоробѣгущее коло всѣ лѣта обращающее на себѣ. О тщетности! въ коей нѣтъ ни мало твердости.

Пос-

Послѣ сихъ разговоровъ Ѳнитъ гораздо сдѣлался скучнѣе прежняго, и хотя часто объэтомъ позабывалъ; но частыми падежами воспоминать о томъ убѣждаемъ былъ. Апоплексія, чахотка, подагры, хирагры, лихорадки, горячки и премногія другія болѣзни, каждому тѣлесному члену свойственныя, были ему обыкновеннымъ увѣреніемъ. Но несказанно болѣе устрашали его нечаянныя приключенія, которыхъ онъ ни отвратить, ни остерегаться не могъ. Видѣлъ онъ ежедневно, что иной умираетъ въ болѣзни, иной съ голоду, иной съ холоду, иного растерзали звѣри, иного убили, инова отравили. Зналъ онъ, что Ескулапій громомъ убитъ, Леандеръ и Теренцій утонули: что Актеона и Діогена собаки, а Главка и Гипполита лошади загрызли: что Анцей погибъ отъ вепря, Гіясъ отъ львовъ, Лаоконъ отъ змій,

змій: что Василія Императора рогомЪ убилЪ олень; ПиррЪ задавленЪ стѣною, Галба удавленЪ, СократЪ ядомЪ опоенЪ. ЗналЪ онЪ довольно, что иногда самая бездѣлица причиняетЪ смерть; что Луція, Марка Аврелія дочь, отЪ уколотья булавочкою, АнакреонЪ отЪ изюменки, Фабій отЪ проглощеннаго сЪ молокомЪ волоска, ГомерЪ отЪ стыда, что не могЪ вопроса рѣшить, Діонисій тираннЪ отЪ радости, ФилемонЪ отЪ чрезвычайнаго смѣху жизнь свою скончали. ЗналЪ все сіе ѲнитЪ: но когда предавался чувственнымЪ удовольствіямЪ; тогда все сіе забывалЪ, и вѣрить ничему не хотѣлЪ.

Когда ему АѳанатЪ напоминалЪ о будущемЪ: онЪ весь гнѣвЪ свой на нево изливалЪ. ЧемЪ больше томЪ представлялЪ ему будущее состояніе; тѣмЪ менше ѲнитЪ увѣрялся, сказывая, что состояніе ихЪ обоихЪ равно;

что

что они одинаково росли, что одинаково болѣзнуютъ и лѣчатся; что одно только остановленіе движенія крови, а не разлука ихъ дѣлаетъ смерть; что никто этово не испыталъ, и другіе премногіе приводилъ резоны и заблужденія, въ которыхъ Лукрецій Поета (*) защищалъ Епикура. Аѳанатъ опровергая его нелѣпости всю вину на него возлагалъ, сказывая, что болѣзни или врачевство до него одного касалось, и какъ неможно худымъ перомъ писать, или на старомъ конѣ ѣздить; или какъ не рука мечущая виновата, когда глыба земли въ ней разсыпанная не можетъ быть брошена; какъ не виноватъ храмлющій, когда одинъ каблукъ выше: такъ во всемъ виноватымъ на-

(*) *Лукрецій написалъ шесть книгъ о естествѣ вещей, гдѣ защищаетъ Епикура и Емпедокла.*

называлЪ АѳанатЪ Ѳнита, которой не повинуясь совѣтамЪ его, все, что ни дѣлалЪ одинЪ, дѣлалЪ худо, безЪ пользы, сЪ превеликимЪ вредомЪ своимЪ; и самЪ себя свободы лишивЪ стремглавЪ вЪ бездну пороковЪ летѣлЪ; или подобно мошкѣ на горящую свѣщу летящей опаливЪ крылья вЪ низЪ упадалЪ. Хотя АѳанатЪ всѣ мѣры кЪ увѣренію Ѳнитову употребилЪ; но ѲнитЪ мало повиновался, да и слушать почти не хотѣлЪ, предаваясь слѣпо страстямЪ, и прелестямЪ жизни.

Тогда АѳанатЪ былЪ крайне раздраженЪ, и вышедЪ изЪ терпѣнія, сЪ гнѣвомЪ ему говорилЪ: Да скажи мнѣ, ѲнитЪ! какая мечта прелестей столько очи твои ослѣпила, что ты ни мало не видишь истинны? Разсмотри ты, что я сЪ тобою живучи, живу какЪ будто вЪ чужомЪ домѣ на время; и тебя

бя какЪ чужую разваливающуюся храмину не могу возобновлять. Размотри только, что есть твоя жизнь? и какое твое *состоянie*? То головà болитЪ, то заложило грудь, то стѢснило сердце, то нóги нездоровы, то вЪ другихЪ членахЪ припадки. О коль несразмѢрное *количество* твое? Что вЪ тебѢ есть кромѢ долготы болѢзней, кромѢ пространства бѢдствiй, и нещастiй глубины? ВЪ чемЪ *качество* твое? ВЪ непостоянствѢ честей, вЪ скоротечности славы, вЪ ничтожествѢ богатства, вЪ тщетности прихотей. Какiя *дѣйствiя* твои? Заботы, попеченiя, прiобрѢтенie пищи, воспитанie дѢтей, собиранie богатства, соблюденie жизни. О коль горестныя *страданiя* твои! напасти, бѢдствiя, неуспѢшность, непогода, стужа, зной, голодЪ, холодЪ, жажда, смущенie, мученie. *Гдѣ* ты живешь?

вешь? Въ темницѣ, на войнѣ, на полѣ пораженія, на позорищѣ бѣдствій, въ юдолѣ плачевной, на сборищѣ всѣхъ злоключеній, гдѣ нѣтъ ни миру, ни безопасности, на мѣстѣ внутрь и внѣ опасномъ. О коль печально и *премя* то, въ которое ты живешь? Все, что противно, въ нашихъ ужѐ рукахъ; а все, что пріятно, когда то будетъ? Но о! когда то мы съ тобою будемъ лучше? Завтра да завтра, а въ томъ то и весь вѣкъ протекаетъ. Время, о! коль печальное время, въ которое мы съ тобою живемъ; оно угрожаетъ намъ вѣчнымъ мракомъ. Какое и *мѣстоположеніе* не хорошее? Ввечеру надобно ложиться, а по утру опять вставать; обременяясь дѣлами лежать на постелѣ безъ сна, лежать съ развлеченіемъ мысли отъ амбиціи, отъ пристрастій, отъ безпокойствій

со-

совѣсти; вставать на трудѣ для цѣлаго свѣта, или лежать, и вѣ болѣзни стонать, и проклинать жизнь свою. Жить претерпѣвая домашнія ссоры, а внѣшно бороться сѣ врагами; мучиться завистію, и отѣ другихѣ быть ненавидиму. О коль все сіе тягостно! О жизнь преисполненная печалей и горестей!

Послѣ сихѣ словѣ крайне смутился Аѳанатѣ, и погруженный печалію сѣ восторгомѣ Тулліевы слова изрекѣ: „ (*) Что ежели бы какое небесное существо восхотѣло, дабы я отѣ сея зрѣлости моея паки отрокомѣ былѣ и по дѣтски вѣ колыбели вопилѣ? стократно бы отрекся! Какѣ можно скончавѣ подвигѣ моего пути, новое шествіе кѣ тем-

(*) *О старости.*

темницѣ начать? Ибо какія выгоды приноситъ жизнь? Что въ ней кромѣ попеченій однихъ? Я не хочу оплакивать мой вѣкъ, что часто ученые дѣлали, и не жалѣю, что я на свѣтѣ жилъ: ибо я такъ жилъ, что не почитаю напраснымъ рожденіе мое; и разлучаюсь съ жизнію не какъ изъ дому, но какъ изъ гостинницы выходя. Натура намъ опредѣлила ея для краткаго, а не для всегдашняго пребыванія. О преблаженный оный день, въ которой я прейду къ сожительству блаженныхъ оныхъ тѣней: и когда изыду изъ сего мятежа и окаянства!

Ѳнитъ былъ сими изреченіями такожде пораженъ. И хотя съ превеликою горестію все это слушалъ, но уже и помышлять о семъ пути за нужное почиталъ. Сколько сильныя были между ими любовь и ненависть:

висть: столь желанною и отвратительною представлялась имЪ разлука. АѳанатЪ утЪшалЪ брата будущимЪ свиданіемЪ несравненно блаженнЪйшимЪ, нежели какое имЪютЪ они нынЪ: а ѲенитЪ разсуждалЪ о своей кончинЪ, вЪ которой думалЪ все то другимЪ отдать, что отЪ другихЪ заимствовалЪ; а онЪ заимствовалЪ все, что ни имЪлЪ, и совокупленнымЪ чужимЪ богатствомЪ жилЪ дотолЪ, доколЪ заимообразно взятое по нуждЪ долженЪ былЪ заплатить.

АѳанатЪ же напротивЪ ему представлялЪ, что нельзя за всЪ претерпЪнныя ими бЪдствія, за великодушное понесеніе несчастій, за крЪпкое сопротивленіе всЪмЪ нападеніямЪ, противЪ которыхЪ они вооружались общими силами, нельзя одному ему получить вЪнецЪ на-

грады, такЪ какЪ и стыдЪ сносить одинЪ за содѣянное купно зло АѳанатЪ не хотѣлЪ, и недолженЪ былЪ.

Когда ѲнитЪ представлялЪ противныя свойства своей сЪ АѳанатомЪ натуры, по которымЪ ему столь долго жить казалось, и разлучась видѣться не можно: тогда АфанатЪ возражалЪ ему могуществомЪ и произволенiемЪ ихЪ Родителя, отЪ котораго вся жизнь ихЪ совершенно зевисѣла. Удивляешся ли ты, говорилЪ АѳанатЪ, что ртуть брошенная на горящее уголье, и вспыхнувшая дымомЪ паки вЪ малѣйшихЪ сперва собираясь шарикахЪ упадаетЪ вЪ цѣлости на землю? Удивляешься ли ты, что изЪ претертаго вЪ пыль кропивнаго сѣмени можетЪ родиться, какЪ и отЪ сѣменЪ крапива? что брошенное зерно вЪ землю голое возрастаетЪ не

сво-

своею силою? Такъ не ужъ ли Родитель нашъ сильный, премудрый и истинный не можетъ все то тебѣ дать, что ты отъ другихъ занималъ? Онъ богатство наше лучше сохранитъ и усугубитъ, нежели мы совокупными силами.

День наставалъ, и послѣдняя минута приближалась ихъ разлуки. Не столь сладостно поетъ лебедь при смертномъ часѣ; не съ такою жадностію бѣжитъ елень на водныя источники; не съ такою радостію обуреваемый пристаетъ къ тихому брегу корабль: съ какимъ желаніемъ хотѣлъ Аѳанатъ и Ѳнитъ видѣть свою разлуку. Не столь такожде мучительно смотрѣть на привязаннаго за обѣ ноги къ двумъ конямъ, и раздираемаго пополамъ страдальца; сколь мучительно было ихъ разлученіе! Какую можно только вообра-

разить смертельную ненависть и сильную любовь; такой тогда чрезвычайной любви жаръ съ несноснымъ отвращенія хладомъ въ обѣихъ ихъ непрерывно сражался, и короткая минута сія страшнѣе бывала цѣлаго вѣка. Хватались они другъ за друга и тутъ же отталкивались; лобызались и плакали; сердились и мирились, прощались и останавливались. Наконецъ въ тяжкой горести, въ несносной печали испукая источники слезъ, и ставя весь свѣтъ ни за что, едиными устами и единымъ сердцемъ говорили: О возлюбленное отечество! почто скрываешь отъ насъ вождѣленныя селенія твои! Доколѣ не узримъ и не возрадуемся въ тебѣ? Изъ отдаленности взираемъ пріятными очами отъ сего житейскаго моря на твои берега; въ немъ волнуемся, въ немъ и погибаемъ. О любезный Родителю

телю нашЪ, предшедствовавшій намЪ вЪ семЪ обуреваніи! ты, которой смотришь сЪ того брега на кораблекрушеніе наше, простри десницу твою для спасенія погибающимЪ, да преплывЪ прославимЪ и мы, препрославленныя милости и великія дѢла твои.

По сихЪ словахЪ АѳанатЪ и ѲнитЪ дали послѢднее другЪ другу цѢлованіе, и вЪ надеждѢ непрерывныя любви сочетанія разстались.

КОНЕЦЪ.

Погрѣшности Типографскія.

стр. 8. хотѣхъ а надобно. хотѣлъ.

14. Пиѳонинамъ язычникамъ.

Пиѳониссамъ язычєскимъ.

18. благодѣяніихъ — благодѣяніяхъ.

22. говоришь —— говоритъ.

— хлѣбоносцы — хлѣбопасцы

23. предразсудна — предразсудки.

30. стезь —— стезю.

35. узнали —— узнавали.

43. Ноимъ —— Ноевъ.

49. бладатель — Обладатель.

